

Живём мы сейчас не очень весело, скажу по чести. Матери было сорок, когда отец спутался с ее молодой подругой и бросил нас. Произошедшую ситуацию она восприняла тяжело и теперь время от времени приходила домой поздно и очень пьяная.

Мы уже выросли, так сказал папаша, мне уже двадцать один, Сережке восемнадцать, должны понять. Серёга во всём винит мать, он с ней не разговаривает, говорит, сама ему массаж мозга делала 24 на 7, вот, довела до побега с «Титаника». А, да гори оно.

В любом случае жизнь продолжается и даже тут есть кое-какие плюсы. Прошло три месяца, как отец съехал от нас. Я сплюнул на тротуар. Тихо подъехала японская иномарка с наклейкой «Ситикэб». Местная таксерская контора, любители порисовать лабиринты на карте маршрута скажу я вам. Долго уж они ползли, мои руки покрылись гусиной кожей от уличной прохлады и мороз начал пробираться к костям.

Я встречал родительницу во дворе нашей пятнадцатизэтажки. Довольно унылый дом с квадратным куском асфальта для прогулок. Уже давно стемнело, редкие фонари, да свет из окон, вырывали из темноты куски детской площадки и парковки, что поодаль приютила прорву машин. Мать неуклюже выпала из такси, ее качало, как матроса в девятый вал на корме. Заглянул в салон иномарки, вдруг что забыла на сиденье. Водитель явно одурел от испарений алкоголя и ее цветочных духов. Бедняга. Его пожилое лицо неодобрительно скривилось и он поцокал языком.

— Ай, яй, яй. Как нэкрасыво. Такой жэнщина, и так пыть.

Мать громко икнула.

«Верно подмечено дядя.»

Двигатель загудел и шины «Ситикэба» тихо зашуршали к ближайшему выезду на дорогу. Мне пришлось подхватить плохо управляемую собой мамку под руку и медленно идти рядом. Ее язык заплетался, из накрашенных, блестящих губ вылетали обрывки зажеванных, растянутых фраз... прости сынок... люблю... мамочка немного перепила... Обычные слова после корпоратива или одной из пятниц. Я поправил руку и крепче обнял ее. Моя пятерня из — за спины дотянулась и случайно легла сбоку, прямехонько на ее грудь повыше ребер. Я сглотнул. Под ладонью ощущался лишь параллон бюстика, но от ощущения, что я трогаю что-то запретное и глубоко интимное, моя голова начала внутри пульсировать и потяжелела. На этот раз я специально дёрнул плечом, вытянул руку подальше и нажал на грудь в лифчике сильнее. Теперь мои пальцы держали чашку лифа почти до вершины, и выше чувствовалась мягкая плоть груди. Тени и сумрак спрятали мои горящие щеки. Похоже она не поняла моих планов потрогать ей грудь.

Мы медленно подходили к тяжёлой двери подъезда, на улице стоял вечерний холод, но теперь меня душил жар. Я переместил руку вниз, на ее широкую и выдающуюся назад попу. Мама регулярно ходила в тренажерный зал, благодаря чему зрелые формы рожавшей женщины остались крепкими и подтянутыми. Погладил бедра через материал рабочей юбки и сжал крепкую ягодицу. Ее зад катался в моих пальцах вместе с кружевной тесемкой трусиков, что обтягивали его. Она не обращала на мои потискивания никакого внимания. Звонок. Лифт. Дверь. Коридор. Я по стенке провел ее до их с отцом спальни. Серёга даже не вышел из комнаты, сидит в своих наушниках и кромсает монстров на дольки в трехмерном

шутере. Его обиде нет границ. Тем лучше, я закусил губу.

Мама процокала на уличных туфлях до постели, цепляясь и висая на мне. Край светлой блузки вылез из пояса и торчал нелепым языком из под мамино пиджака. Еле донеся, я ее бросил на кровать. Она упала спиной на жалостливо скрипнувший матрац и глупо захихикала. Мои ладони коснулись тонких лодыжек в нейлоне. Я стянул с ее миниатюрных ступней лакированные, темно-синие туфельки на каблуке и поставил их рядом у тумбы, нащупал ночник и включил приглушённый свет. Уложенная на затылке прическа растрепалась и непослушные пряди торчали во все стороны. Черная челка сбилась набок и открыла белое лицо матери с большими, выразительными глазами. Сейчас они были прикрыты длинными ресницами, быстро же она отключилась. Я внимательно посмотрел на нее — В молодости она выглядела как ангел, да и сейчас красивая. Даже несмотря на морщинки, затаившиеся у губ и в краешках глаз. Мой взгляд прошёлся по ее красным губам ниже по шее.

В декольте, покрытом мелкими веснушками, виднелся верх ее кружевного, белого лифчика. Воровато оглянувшись на закрытую дверь спальни я повернулся к матери распахнул пиджак и начал расстегивать маленькие, стеклянные пуговицы блузы. Обнажилась пара крепких, спелых грудей в раковинах лифа. Мое сердце готово было выскочить от бешеного ритма наружу, меня слегка трясло. Дрожащей рукой я накрыл левую грудь и сжал ее теплую, податливую мякоть.

— Ты чего делаешь?

Меня подбросило вверх, как пойманного кота с рыбой, утащенной с кухонного стола. В дверях стоял Серёга. Он шагнул из полумрака в оранжевый круг света от ночника. Тени сложили узор на раскрытой груди матери, обводя контуром ее крутые формы. Он глянул на нее и пробурчал: — Давай помогу раздеть. Я захлопал глазами и отошёл в сторону, он уверенными, резкими движениями стал сдергивать с мычащей мамки пиджак с блузой. Затем расстегнул молнию на юбке и стянул ее тоже. Когда узкая ткань катилась по ногам, мамка начала вяло отмахиваться: — Не сегодня Игорь мальчики не спят. Отстань.

— Батю вспомнила — скривил рот Сережка и последним рывком стащил юбку. Я смотрел на дернувшуюся в лифе грудь, на прозрачные окошки в белых трусиках, где светилась бритая щель промежности. Мать осталась в нижнем белье и в шоколадных чулках.

— Ты же ей сиськи мацал, Антоха? — голос брата прозвучал низко и ровно. Я не знал, что ответить ему и тупо пялился на его спину. У нас не было друг от друга секретов, мы росли вместе и я виновато вздохнул:

— Да.

— Так надо снять лифак было с сисек — улыбнулся он и без особых церемоний взял мать за подмышки и посадил, придерживая сзади:

— Давай, расчехляй, заценим, что там мамка прячет сорок лет, вдруг только носки и вату — его глаза задорно блестели. Я медленно подошёл к ним и из пограничной зоны света и тьмы оказался впрыток у ночника. Я не ожидал такого поворота событий и впал в глубокий ступор.

— Чего сусликом встал, граблями работай, дойки сами не вылезут! Серёга деловито поправил раздетую мамку держа сзади, отчего она качнула темной макушкой, будто в знак согласия.

Бюстгальтер расстегивался спереди и когда я его открыл, чашки распались в стороны и наружу вывалилась мамкина грудь. Она оказалась больше, чем выглядела в одежде, но меньше, чем мне хотелось. Слегка провисшая и в венках, но я простил ей это, после двух

сосунков даже очень неплохая форма. Меня поразили ее соски, точнее ареолы вокруг них. Розовые, размером с блюдце, они занимали всю площадь груди под лифом и едва могли укрыться там. Вокруг огромных розовых сосцовых овалов белела нежная кожа бюста и переходила в декольте и шею, где рассыпались пятнышками веснушки.

— Твою дивизию налево! — Серёга буквально крикнул в ухо мамки, она поморщила нос, но глаза не открылись.

— Давай потише, ещё пробудется — попросил я, на что он только пренебрежительно хмыкнул. Я начал щипать оголенную грудь, отчего сморщенные соски скоро окрепли и поднялись. Я не выдержал и взял в рот розовую плоть. Гладкая и необычайно нежная, она сводила меня с ума. Свободную грудь всю тискал Серега, со стороны казалось, он хотел ее смять в комочек и оторвать. В лифчике кожа вспотела и чувствовался солоноватый вкус женского пота. Мой язык рисовал на соске восьмёрки, водил хороводы, зубы слегка прикусывали его плотный бугорок. Я едва слышал голос Сереги.

— Слышь давай разложим ее на спину, что бы у пьяной шлюхи голова висела, а ты дальше займешься этими старыми дойками, я хоть рот ей почищу.

Не самый вежливый сын на свете, но идея мне понравилась.

Вскоре брат спустил штаны и заводил членом по маминым накрашенным губам.

«Думаю больше не стоит пить после нее из бутылки» — подумал я и продолжил по очереди покусывать и обсасывать напряжённую грудь. От возбуждения она распухла и стала более тугой. Тут раздетое тело закачалось. Это Серёга начал сопеть над маминым лицом с распахнутым ртом, внутри которого то появлялся, то исчезал толстый, в синих венах, член. Он входил ей внутрь, раздувая горло и катаясь по влажной лодочке языка. Из острой головки по мокрой глотке размазывался кисель смазки.

Хлюп. Хлоп. Хлюп. Хлоп. Хлюпало в такт под Серегины матерки у мамки между красных губ.

«Как вторая пизда» — подумал я и хотел снова присосаться к ее обнажённому торсу. Как вдруг произошло то, чего мы никак не ожидали. Накрашенные глаза нашей пьяной мамки открылись. Минуту они смотрели на лохматые яйца сына, что стучали ей по носу и щекам, а потом стали как два пятака. Вот честное слово, как в аниме у тянок. После раздался вой Сереги, острые зубы укусили его за член, он сморщился, весь скукожился и упал в угол, как подстреленный герой старых боевиков. Время замедлилось. Мать подскочила, отчего ее челка подлетела вверх, следом ее движение подхватили груди, чьи вершины едва не достали ей до подбородка и разом с челкой упали снова вниз. Пошатываясь, она обернулась на меня. Взлохмаченная, с раскрытым лифчиком на плечах, мокрые груди блестят и болтаются между расстегнутых чашек, притягивая взгляд огромными, гипертрофированными кругами возбужденных сосков. Стройные ноги в чулках прижались коленками другу к другу, крохотные ступни переминаются на расстоянии шага друг от друга. Она ошалело вертела глазами, как хамелеон, пока ее взгляд не упал вниз, прямо на обнаженные, качающиеся груди. Мамка взвизгнула и попыталась прикрыть наготу руками. Рот, перемазанный помадой, искажился:

— Вы что со мной делали, сопляки?!

Хмель из ее головы частично улетучился от переживаний по поводу происходящего. Мне стало страшно, я хотел провалиться сквозь все недра земли, хоть до лавы, лишь бы сейчас не отвечать на столь простой и трудный вопрос, одновременно.

Дождаться вразумительного ответа она не успела. Резким движением ее сбил на пол Серега и

визжащую бросил обратно на кровать. Он зачихал ей в рот одеяло и крикнул мне:

— Ремни, кидай ремни из шкафа! Скорее!

Я бросился к маминому шкафу под и выдернул с вешалки добрую дюжину ремешков от платьев, брюк и кардиганов. Мамка брыкалась и лягалась, как дикая лошадь. Ее пунцовое лицо моталось в ворохе всклокоченных волос, заколка улетела далеко в сторону. Но Серёжка распял ее на супружеском ложе. Широко разведённые ноги накрепко зафиксировались к постели, впрочем, как и руки. Порядком вспотевший брат сел прямо на голый бюст мамы, на ее рту красовалась широкая лента скотча. Я тер пальцами виски, он посмотрел на меня.